

Елена Дарвина

0+

Валентина

История Большой Жизни

Елена Александровна Дарвина Валентина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51001664

SelfPub; 2020

Аннотация

Что есть жизнь? Мгновение спустя «сейчас» стало пеной на волнах – воспоминание, отголосок прошедшего. История в словах, случайно брошенных: мир существует одновременно весь и сразу. Вся история, подобно судьбе маленькой девочки, сплетена воедино с каждым, кто есть в пределах её взгляда и воображения. Жизнь Валентины подобна волнам, одна за другой накатывающим на берег и оставляющим за собой след из мятых водорослей и прочих мелочей. И книга как коробка с её сокровищами: водоросли и чайки, ракушки и камни. Но всё это одна Большая Жизнь. Жизнь Валентины.

Содержание

ПЕРВАЯ ВОЛНА

4

Конец ознакомительного фрагмента.

8

ПЕРВАЯ ВОЛНА

Валентина грезилась большой жизнью. Хотя и не совсем осознавала, что такое эта самая «большая жизнь». Но об этом часто упоминала тётя. И некто по имени созвучным со словом «мыло» выбился в люди. Что, кажется, было тем же самым.

Валентине между семью и восемью годами. Так себе возраст. Когда с маленькими водиться уже зазорно, а у ребят постарше недоступные интересы.

Море манило гладкими серыми замшевыми камнями, блестящими водорослями и густой пеной, как от шампуня. Море не пугало. Шипя рассерженной кошкой, настойчиво ластилось к ногам девочки. Присев на корточки, наклонила лицо над водой. Так иные всматриваются в книги, силясь разгадать этот мир и познать его сокровенные тайны. Зачерпнула полные ладони пены, случайно прихватив длинную полоску морской травы. Зелёные волосы подданной вод, что неумолимо стремилась на берег. Даже теперь. После заката. Небо хмурилось, ещё сдерживая скупые слёзы отца, что только что потерял дочь. Трава была мокрой и скользкой. Пахла солью и вольным ветром.

– Фу! Гадость.

Девочка сжала кулаки. Русалочка вернулась к отцу. Первичный бульон. Все мы оттуда. Начало эволюции и всё такое.

– Сам ты гадость, – тонкие губы поджаты, чуть подалась вперед, лоб нахмурен. Лишь глаза сверкают любопытством. Кто это? Кто это сказал? Кто этот незнакомый мальчик? Веснушки пятнами от краски, лягушачья улыбка. И в руках – не драный, а ещё чистенький новый футбольный мяч. Белая майка, кофта на молнии, куртка на зависть ребятам.

Обида не поддается логике. Валентина не знает пока слова «логика». Зато «гадость» зацепилась за руку. Повисла зеленой лентой.

Белая как облако майка. Больше нет. Сам виноват.

И – бежать. Бегом. С оглядкой – догонит? Ноги в песке увязают, но под кожей бушует пожар. Вот она – её Большая Жизнь.

На лице мальчишки – соль и вольный ветер. Крупный песок скрежещет по зубам. Воздух холодит мокрые пятна на грязной майке.

– Стой! А ну стой, гадина!

Мяч сиротливо глядел вдаль. Он Пятница без Робинзона. Его Робинзон бежит за юной кельпи, что хохоча, уводит его за собой всё дальше и дальше.

Юные демоны слишком самоуверенны и наивны. Они как дети, что несутся по берегу, играя в древнюю как мир игру. Охотник и Жертва. Они не смотрят под ноги, считая, что весь мир у их ног. Но вот один камень и ты уже не Охотник, а маленькая девочка, что споткнулась и расшибла ладони в кровь. На носу песок. Платье-тряпка. Шарф в жёлто-зелёную

полоску трепещет флагом проигравшего. Всхлипы как признание. В невинности и жестокости мира.

Робинзон замер. Его занесло на этот берег приливной волной. Он здесь чужак. Исследователь. Новенький, что толком не знает правил игры.

– Ох! – крики чаек возмущенно вторят этому олицетворению беспокойства в красном пальто. Совсем не море. Ровный макияж, волосы потрёпаны обиженным ветром. Каблуки для идеальных тротуаров. Стекло и пластик. Засушливость лета, золото осени. Нежная мелодия. Сумочка: помада, духи, зеркало. Кому нужно, если есть море? Как же её это раздражает! Этот дурацкий город, этот летевший под откос год. Да кому он нужен!

– Это всё твоя вина! – отточенные жесты театра: поднять, отряхнуть, бросить реплику, вытереть слезы – кружево платка. Непременно зло. Уколоть. Задеть за живое. Ранить. Пустить кровь.

– Это не я бросил дочь на два года и шлялся вдали от дома! – защита.

– У меня были гастролы! – выпад, удар, – Никто не просил тебя строить из себя заботливого папашу. Что ты ей можешь дать? У тебя ни работы, ни дома!

Робинзон брошен, покинут. Кельпи ускакала со стаей. Оставив жертву с желанием догнать, узнать, что было бы если?

Валентина не любит криков. Её раздражают чайки. Они

только и могут, что противно орать ни о чём. Вроде бы и слова, а вроде и нет. Куда интереснее иное: красная машина в цвет платья, дым сигарет, зажатых меж тонких пальцев. Их кончики словно обмакнули в золото. У Валентины такие же тонкие ладони. Пока без краски. У мужчины рядом густая борода и запах рыбы. Мама зовёт его «папой». Валентина тоже. Хотя совсем не понимает, что именно должно обозначать это слово. Может это как актер, или рыбак.

У Валентины есть тётя. Тётя – это вкусное варенье, новые игрушки и книжки с картинками. Это сказки на ночь и поцелуй перед сном. У тётя нежные руки и кусачий ремень. Ещё она обещала научить Валентину печь имбирное печенье и варить пунш. И так обязательно будет. Ведь тётя обещала.

Чайки не замолкали. Их крики были слышны даже в котедже. Валентине казалось, что они доносятся не только сквозь наглухо запертое окно, но и из соседней комнаты.

Когда Валентина читает сказку о русалочке, тётя морщится. Она говорит, что «эта хвостатая распушилась павлином, словно и не от моря камушек». Когда-то прекрасная дева попала в сети рыбака и осталась в его доме и сердце. Но она мечтала о суше. Его же дом – море. Русалочка умеет любить, но её царство не здесь. У неё есть нож и шанс вернуться к отцу. Её выбор – карьера и принц пустыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.